

Л. Ю. Хронопуло

ОПТАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ИМПЕРАТИВНОЙ ФОРМОЙ ГЛАГОЛА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Примеры непрямого употребления императивных форм в японском языке, в отличие от русского, малочисленны; такие явления обнаруживаются в оптативных высказываниях, а также в устойчивых выражениях и сочетаниях, в которых императивные формы используются в уступительном значении. Характерно, что в японском языке из всего множества форм, выражающих повеление или просьбу, только собственно императивная форма (*мэйрэйкэй*) встречается в неповелительном значении (т. е. 4-я форма для глаголов первого спряжения и форма, образованная при помощи суффиксов *ро*, *ё* после первой формы глаголов второго спряжения и глагола *суру* 'делать'; глагол *куру* 'приходить' имеет императивную форму *кой*).

В. М. Алпатов пишет, что «в японском языке возможность обращения к неодушевленным предметам при олицетворении крайне ограничена», а «связки, а также глаголы, не обозначающие действия людей, вообще не образуют форм императива» [1, с. 86]. Тем не менее следует заметить, что от таких глаголов, а также от связки *дэ ару* может быть образована императивная форма, но в оптативном или уступительном значениях [2].

Говоря о непрямом употреблении императивных форм в русском языке, М. П. Муравицкая отмечает в устойчивых выражениях с подлежащим *Бог* значение пожелания и приводит следующие примеры: «Ну, Бог тебя суди...», «...дай Бог здоровья вам...», называя такие преобразования: «Пусть Бог тебя судит...», «Пусть Бог даст вам здоровья...» [3, с. 55]. Вл. Грabbье говорит в таких случаях о формулах пожелания типа «Дай вам Бог счастья!», «Да пошлет вам Бог», «Будь по-вашему» [4, с. 116]. В японском же языке подобное явление, а именно — употребления императивной формы связочного *ару*, сохранилось лишь в устойчивых выражениях такого рода, передающих желание говорящего, выполнить которое не всегда в компетенции адресата (например, (1) *Ко: фуку дэ арэ*. [5, с. 109] — 'Будь счастливым'), в ряде пословиц и поговорок, в заклинаниях, а также в клятвах именем Бога, которые перешли в современный японский язык в том же виде, в каком они существовали в классическом языке. Например: (2) *Юмия Хатиман мо сё:ран арэ!* [6, с. 125] — 'Лук, стрелы и Хатиман (бог войны в синтоизме. — Л.Х.) пусть будут [мне] свидетелями!', 'Клянусь Хатиманом!' (букв. 'Лук и стрелы, а также Хатиман, увидите'. *Сё:ран* — слово со значением «взгляд божества»); (3) *Ками мо сё:ран арэ!* [6, с. 861] — 'Видит Бог!' (букв. 'Бог, будь созерцателем'). Пользуясь терминологией Г. Г. Сильницкого, мы можем сказать, что в приведенных примерах речь идет о дейктическом оптативе, т. е. императивные формы использованы для выражения значения оптативности. В русском языке к дейктическому оптативу может быть причислена форма, традиционно относимая к императиву 2-го лица, но употребляемая с подлежащим:

¹Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 08-03-12129в, проект «Создания научно-образовательного информационного ресурса "Современное востоковедение" и сети дистанционного обучения восточным языкам и дисциплинам востоковедения» (2008–2010 годы).

© Л. Ю. Хронопуло, 2010

«Будь проклята эта война!», «Дай Бог!», «Черт возьми!». Определяя оптатив как «косвенное волитивное наклонение, отображающее опосредованную мотивированность глагольного действия волеизъявлением субъекта речи», ученый пишет, что в случае употребления дейктического оптатива «опосредованный характер мотивированности глагольного действия проявляется в том, что этого волеизъявления самого по себе недостаточно для реализации/нереализации обозначенного действия, осуществление которого определяется в конечном итоге какими-то другими, не зависящими от субъекта речи факторами» [7, с. 92].

Н. А. Сыромятников отмечает, что *мэйрэйкэй* уже в древнеяпонском языке выражала подобные смыслы. Ученый приводит пример из «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 г.): «*Авоми сибомэ!* Пусть [твоя] свежесть поблекнет!» (букв. «Поблекни!») [8, с. 132].

Поскольку оптативное высказывание выражает желание говорящего, направленное на то, чтобы исполнилось действие, обозначенное в предложении, но одного волеизъявления недостаточно, в оптативной ситуации субъект желаемого действия может быть как одушевленным, так и неодушевленным (например, *Только бы поезд поскорее пришел!*), тогда как императивная ситуация предполагает одушевленного исполнителя [7, с. 172–173]. В таком случае к оптативным высказываниям, в которых употреблена императивная форма глагола, можно отнести предложения типа: (4) *Амэ, амэ, фурэ, фурэ!* [9, с. 153] — ‘Дождь, дождь, иди, иди!’; (5) *Кадзэ ё фукэ фукэ...* [15, с. 74] — ‘Ветер, дуй, дуй...’; (6) *Асу тэнки-ни на:рэ!* [10, с. 33] — ‘Пусть завтра будет (букв. ‘стань’) хорошая погода!’; (7) *Тё:дзя-ни на:рэ.* [11, с. 35] — ‘Пусть [я] стану (букв. ‘стань’) богачом!’ (Ребенок загадывает желание, глядя на появляющиеся в небе звезды); (8) *Фу:сэн ё варэро!* [12, с. 39] — ‘Хоть бы воздушный шар лопнул!’ (букв. ‘Воздушный шар, лопни!’); (9) *О-Сё:гацу ё хаяку кои!* [13, с. 87] — ‘Хоть бы поскорее пришел Новый Год!’ (букв. ‘Новый Год, приди!’); (10) *До:ка коко-ни итимангэн сацу-га арэ!* [12, с. 39] — ‘Пожалуйста, пусть здесь будет купюра в десять тысяч йен!’ (букв. ‘Купюра, будь!’); (11) *Кими-ни сиавасэ арэ!* — ‘Пусть тебе будет счастье!’ (букв. ‘Тебе счастье будь!’) — слова известной песни «*Кампай*» («За ваше здоровье»); (12) *Сакура ё хаяку сакэ* [14, с. 46] — ‘Хоть бы сакура побыстрее зацвела’ (букв. ‘Сакура, поскорее зацвети!’); (13) *Ками-но сюкуфуку ё соно уз-ни арэ* [5, с. 109] — ‘Да побудет над ними благословение Бога’ (букв. ‘Благословение Бога, над ними будь’).

В таких случаях, когда речь идет, например, о явлениях природы, которые человек не может контролировать, говорят об оптативности (*гамбо*: — букв. «желательность»), для выражения которой используются императивные формы. Мураками Мицухиса отмечает, что неодушевленный предмет или явление, к которому обращаются, зачастую оказываются оформлены частицей *ё* [5, с. 75], как в предложениях (5), (8), (9), (12), (13); в то же время в случаях, когда повеление адресовано адекватно воспринимающему его собеседнику, *ё* не может оформлять обращение: такое обращение может быть только интонационно обособлено (на письме отделяться запятой).

К оптативным высказываниям Масуока Такаси и Такубо Юкинори (см.: [15, с. 119]) причисляют также высказывания, в которых употреблена императивная форма от глаголов, от которых в нормальной ситуации она не образуется, например: (14) *Комарэ, комарэ!* [10, с. 32] — ‘Попади, попади в неловкую ситуацию!’; (15) *Синтайсиро!* [10, с. 32] — ‘Потерпи неудачу!’.

В предложениях (14), (15) употреблены императивные формы от глаголов *комару* ‘находиться в затруднительном положении’ и *синтайсуру* ‘потерпеть неудачу’. В обоих

случаях говорящий желает слушающему неприятностей, имея в виду: «Пусть тебе не повезёт!».

В. Б. Касевич отмечает, что трактовка форм, которые могут квалифицироваться как императив не-вторых лиц, нередко вызывает затруднения. Так, семантика императива третьего лица «может соответствовать особому наклонению — оптативу, и возникает вопрос: как различить императив и оптатив? <...> Решение вопроса должно опираться на формальные критерии. Если в языке противопоставлены формы оптатива и императива хотя бы для одного лица, можно говорить о существовании двух парадигм — императива и оптатива, а не одной — императива», как, например, в санскрите. Но в японском языке нет подобного явления. В. Б. Касевич пишет, что «семантическое различие, противопоставление — обратная сторона формального, без последнего о нем говорить трудно» [16, с. 555].

Поискам таких формальных критериев посвящена небольшая часть работы Нитта Ёсио «Модальность и категория лица в японском языке» [17]. Тем не менее ученый не делает окончательных выводов о том, какие именно формальные критерии способны лечь в основу разграничения оптатива и императива в некоторых спорных случаях, называя почти все спорные случаи «периферийными», когда значения императива и оптатива пересекаются.

Очевидно, что чаще всего ситуация с употреблением императивной формы в японском языке переходит в оптативную, когда нет полноценного собеседника, который был бы в состоянии выполнить действие, и потому говорящий обращается к силам, которые еще неизвестно, как себя поведут; либо собеседник может и быть, но он по тем или иным причинам не способен контролировать достижение желаемого результата путем совершения действия; например, если исполнитель — третье лицо, которое никак не может откликнуться на прескрипцию и ее адекватно воспринять. Обычно это бывает, как отмечалось, в случаях с явлениями природы или при обращении к божеству. Исполнителем может становиться и второе лицо — но чаще всего такое происходит, когда каузируются такие действия, процессы или состояния, которые либо лишь частично подконтрольны воле человека, либо не подконтрольны ей совсем.

Часто формальным критерием разграничения оптатива и императива становится наличие в таких предложениях показателя именительного падежа *га* при третьем лице — исполнителе прескрипции; в то же время очевидно, что в императивных предложениях такое невозможно — употребление подлежащего, оформленного показателем именительного падежа, в императивном предложении, адресованном второму лицу, не является нормой и встречается только в тех случаях, когда речь идет об акцентированном противопоставлении исполнителя прескрипции другой группе лиц, об исчерпывающем назывании (например, *Омаэ-га икэ* [17, с. 27] — ‘Ты иди’; подразумевается, что именно ты, а не кто-то другой; именно ты из всего множества лиц). Примеры оптативных предложений с показателем *га*: (16) *Хаяку мэ-га дэро* [17, с. 241] — ‘Хоть бы побыстрее выглянули ростки’ (букв. ‘ростки, выгляньте’); (17) *Итто:сё:-га атарэ* [17, с. 242] — ‘Хоть бы выигрался суперприз’ (букв. ‘суперприз, выиграйся’). Пример с одушевленным исполнителем и «частично волевым» глаголом: (18) *Ака, катэ! Сиро, катэ!* [17, с. 242] — ‘Красные, победите! Белые, победите!’ (крики болельщиков на ежегодных школьных спортивных соревнованиях).

Такое употребление императивной формы японского языка аналогично употреблению императивных форм 2-го лица единственного числа с оптативным значением или

местоименным подлежащим 3-го лица в русском языке, когда «выражаются пожелания, осуществление которых не подконтрольно ни воле говорящего, ни воле того лица, которое является участником гипотетической желаемой ситуации, если такое лицо имеется», например, «Минуй нас, пуще всех печалей, / И барский гнев, и барская любовь!»; «...да пропади они...» [18, с. 234].

В. С. Храковский, А. П. Володин пишут, что в предложениях вроде «Пылай, камин...», «Гори, страдание!» и т. п., которые трактуются как персонификация, олицетворение неживой природы, «каузация выражает пожелание (обычно — с семантической интерпретацией приказа)» [18, с. 145]. Случаи прямого обращения к предметам, даже не могущим выполнить приказ, Нитта Ёсио относит к спорным, говоря, что если при этом олицетворение неодушевленного адресата налицо, то здесь оптативность приближается к императивности, как в следующих предложениях: (19) *Хай: мэ-о дасэ, какино танэ!* [17, с. 242] — ‘Поскорее дай ростки (побег), косточка хурмы!’; (20) *Тако, тако, агарэ! Ама-мадэ агарэ!* [17, с. 242] — ‘Воздушный змей, воздушный змей, поднимайся! До небес поднимайся!’; (21) *Итай но, итай но, тондэ икэ!* [17, с. 242] — ‘Боль, боль, уйди!’ (букв. ‘улети!’).

Информанты показали, что в таких случаях, когда речь идет об очевидном одушевлении и говорящий как будто бы «признает» возможность контроля действия со стороны неодушевленного исполнителя, оформить слово, которое в подобных предложениях обособлено как обращение, показателем именительного падежа становится невозможным. Таким образом, если считать формальным критерием наличие в оптативном предложении подлежащего, оформленного показателем *га*, вышеприведенные (19), (20), (21) более близки к императиву, а не к оптативу, поскольку не удовлетворяют такому условию.

Оптативные употребления императивной формы, сохранившиеся в ряде клятв, проклятий, пожеланий несчастья или неудачи, от глаголов, от которых в норме императивная форма не образуется (вследствие невозможности осуществления контроля над действием со стороны исполнителя), Нитта Ёсио называет *норои* — «проклятия» (вроде русского «Разрази тебя гром»). Сюда ученый относит любые подобные случаи, когда запрашиваемое действие нежелательно для третьего лица или собеседника; причем глаголы здесь, как правило, будут те, которые обозначают неконтролируемое действие, и от них императивная форма в норме не образуется. Нитта Ёсио приводит следующий пример такого «проклятия»: (22) *Накэ накэ!* [17, с. 248] — ‘Плачь, плачь!’. Однако представляется, что относить подобное употребление императивной формы к оптативным не совсем правомерно. Большинство опрошенных, которым было предложено сконструировать контекст, где было бы возможно такое употребление, отметили, что в этом предложении высказано не желание, чтобы человек заплакал, а разрешение «можешь поплакать (если хочешь)», аналогичное пермиссивной форме *наитэмо ии*.

Рассмотрим следующие предложения: (23) *Нороварэро!* [17, с. 248] — ‘Будь [ты] проклят!’ (букв. ‘Пусть [тебя] проклянут’ — пассив); (24) *Нагуларэро!* [17, с. 248] — ‘Чтоб [тебя] отдубасили!’.

Оба глагола — *нороу* ‘проклинать’ и *нагуру* ‘колотить’ — употреблены здесь в форме страдательного залога, что вполне может быть рассмотрено как формальный критерий для отнесения подобного употребления императивной формы к оптативному (поскольку в японских императивных предложениях возможно употребление только показате-

лей каузатива, например: *Табэсасэтэ о-курэ* [1, с. 219] — ‘Покорми [его]’ (букв. ‘заставь поесть’), — но не пассива).

Рассмотрим следующие предложения: (25) *Отосиана-ни отитэ симаэ!* [17, с. 248] — ‘Попади (чтоб он попал) в ловушку!’; (26) *Анна отоко нанка синдэ симаэ!* [17, с. 248] — ‘Чтоб он сдох (этот негодяй)!’; (27) *Кокоро-но нака-дэ, кусо, тикусё:мэ, синдзимаэ! то донаттэ итэмо...* [20, с. 224] (*синдзимаэ* — стяжение от *синдэ симаэ*) — ‘В глубине души (я) кричала: ‘Скотина, паршивец, сдохни!’; но несмотря на это...’; (28) *Кёдзин нанка макэтимаэ* [14, с. 46] (стяжение от *макэтэ симаэ*) — ‘Чтоб ему проиграть, этому великану’ (букв. ‘проиграй!’); (29) *Тэрэби нанка коварэтэяэ* [14, с. 46] (стяжение от *коварэтэ симаэ*) — ‘Чтоб он сломался, этот телевизор’ (букв. ‘сломайся’).

Информанты показали, что в подобных случаях употребление императивной формы от смыслового глагола (а не от вспомогательного глагола *симау* после деепричастной формы на *-тэ/-дэ* глагола смыслового) в оптативном значении неестественно. Значит, формальным критерием здесь будет являться, скорее всего, наличие вспомогательного глагола *симау*, показателя завершённого вида, одним из значений которого является выражение внезапной негативности, нежелательности, неконтролируемости действия как раз при глаголах однократного действия (моментальные глаголы), к которым и относятся глаголы *сину* ‘умирать’, *отиру* ‘падать’, *коварэру* ‘ломаться’.

К оптативным употреблением императивной формы глагола Нитта Ёсио относит также ситуации, в которых для пожелания неудачи выступают глаголы, обозначающие контролируемое действие, например: (30) *Тэ-о кирэ!* [17, с. 248] — ‘Порежь руку’.

По утверждению Нитта Ёсио, если это предложение обращено к слушающему, это императив; если к третьему лицу (или же произнесено за спиной второго лица, так, чтобы адресат не услышал) — это оптативное высказывание. В то же время, по данным, полученным от информантов, сделать такое высказывание оптативным способно только употребление формы с рассмотренным выше вспомогательным глаголом, т. е. формы на *-тэ симау*: *Тэ-о киттэ симаэ*.

Сато: Сатоми отмечает, что редкими являются случаи, когда в оптативном значении употребляется не форма *мэйрэйкэй*, а форма *-тэ курэ*. Такое чаще всего происходит при обращении к явлениям природы, например: (31) *Амэ ё дондон футтэ курэ...* [21, с. 117] — ‘Дождь, иди...’.

Существует и такое явление, как «ироничный-несерьезный оптатив» (*ханго гамбо*: [17, с. 249]). Это понятие ввел Нитта Ёсио наряду с понятием «ироничного императива» (*ханго мэйрэй*) (к которому могут быть отнесены следующие высказывания: *Усо-о цукэ!* — ‘Поври, [поври мне тут]!’; *Утэру моно нара уттэ миро!* — ‘Стреляй (букв. ‘попробуй выстрелить’), если можешь!’; *Бака иэ!* — ‘(Ну), трепли ерунду!’; *Савагитакэрэба скина ё:ни савагэ!* — ‘Хочешь шуметь — шуми [себе на здоровье]’ — когда говорящему всерьез совсем не хочется исполнения прескрипции [17, с. 249]). По мнению Нитта Ёсио, несерьезный оптатив возможен только в том случае, когда высказывание не обращено к какому-то конкретному лицу или предмету; при этом для говорящего на самом деле совсем не удобно, чтобы в результате совершения запрашиваемого действия сложилась называемая ситуация, например: (32) *Нару ё:-ни нарэ!* [17, с. 250] — ‘Будь как будет!’ (букв. ‘Как станет стань!’).

Как можно видеть, формальными критериями разграничения прямых и не прямых употреблений императивных форм в японском языке в случае императивных и оптативных высказываний, которые иногда представляют трудность, способны стать ис-

пользование в предложении подлежащего, оформленного показателем именительного падежа *га*, наличие вспомогательного глагола *симау*, обращения, оформленного частицей *ё*, а также формы страдательного залога при глаголе в императиве.

Литература

1. Алтатов В. М. Императив в современном японском языке // Типология императивных конструкций. Коллективная монография / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1992. С. 77–88.
2. Хронопуло Л. Ю. Непрямое употребление императивных форм в японском языке // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Вып. 4. 2006. С. 126–130.
3. Муравицкая М. П. Полисемия императива // Математическая лингвистика. № 1. (Ежегодник по структурной, прикладной и математической лингвистике). Киев, 1973. С. 50–60.
4. Грабье Вл. Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983. С. 105–128.
5. Мураками Мицухиса. Мэйрэйбун: сиро, синасай (Императивные предложения: сиро, синасай) // Котоба-но кагаку. № 6 (Языкознание. № 6). Токио, 1993. С. 67–115.
6. Варо дайdzитэн (Большой японско-русский словарь) / Конрадо кансю: (Под ред. Н. И. Конрада). Токио, 1997.
7. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
8. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М., 1972.
9. Иори Исао, Таканаси Сино, Наканиси Кумико, Ямада Тосихиро. Сёкю:-о осиезу хито-но тамэ-но нихонго бумпо: хандо букку (Учебник японского языка для лиц, преподающих первый уровень). Токио, 2001.
10. Коидзуми Тамоцу, Фунаки Митио, Хонда Кундзи, Нитта Ёсио, Цукамото Хидэки. Нихонго. Кихон до:си ё:хо: дзитэн (Японский язык. Словарь употреблений основных глаголов). Токио, 1989.
11. Миядзава Кэндзи. Гинга тэцудо:-но ёру (Ночь на Млечном Пути). Токио, 1990.
12. Курода Тору. Му:до (Наклонение) // Гайсэцу. Гэндай нихонго бумпо: (Грамматика современного японского языка. Очерк). Токио, 1996. С. 35–39.
13. Yue Kwai Cheuk. A Comprehensive Introduction to Modern Japanese Grammar. Hong Kong, 1994.
14. Сирота Сюн. Нихонго кэйтайрон (Морфология японского языка). Токио, 1998.
15. Масуока Такаси, Такубо Юкинори. Кисо нихонго бумпо: (Базовая грамматика японского языка). Токио, 2002.
16. Касевич В. Б. Труды по языкознанию. СПб., 2006.
17. Нитта Ёсио. Нихонго-но модарити то нинсё: (Модальность и категория лица в японском языке). Токио, 1995.
18. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. М., 1986.
19. Куникида Дотто. Кю:си (Жалкая смерть) // Ёндзю: макимоно-но нихон бунгаку. Дайсандзю:хаккан (Японская литература в сорока томах. Т. 38). Токио, 1991.
20. Сэтоутти Дзякутё:. Акирамэнай дзинсэй (Жизнь, от которой не откажешься). Токио, 1995.
21. Сато: Сатоми. Ирай-бун: ситэ-курэ, ситэ-кудасай (Предложения со значением просьбы: ситэ-курэ, ситэ-кудасай) // Котоба-но кагаку. № 5. (Языкознание. № 5). Токио, 1992. С. 109–174.
22. Кавасаки Дайдзи. Нихон-но вараибанаси. (Смешные рассказы Японии). Токио, 1983.